

Arnold Lvovich Zisserman

25 лет на Кавказе

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3

Arnold Lvovich Zisserman

25 лет на Кавказе: Часть 1 / Arnold Lvovich Zisserman – М.: Книга по Требованию, 2014. – 432 с.

ISBN 978-5-517-87723-9

ISBN 978-5-517-87723-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ теченіи 1876—1878 годовъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ печатались отрывки изъ моихъ воспоминаній о долготѣней службѣ на Кавказѣ.

Для многихъ чтеніе журналовъ или совершенно не доступно, или сопряжено съ различными затрудненіями, лишающими читателя возможности сохранить въ памяти связанное представленіе о прочитанномъ, особенно если печатаніе продолжалось долго и съ перерывами. Это побудило меня издать „воспоминанія“, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями-отдѣльной книгой, раздѣливъ ее для удобства на двѣ части.

Не придаю своему труду никакаго историческаго, а тѣмъ болѣе литературнаго значенія, но полагаю, что всѣмъ служившимъ на Кавказѣ, въ продолженіе долгой эпохи войны нашей съ тамошними горцами, не безынтересно пробѣжать нѣсколько страницъ, могущихъ напомнить имъ давно минувшее время и нѣкоторыхъ лицъ, съ коими всякому изъ нихъ, безъ сомнѣнія, приходилось, болѣе или менѣе, сталкиваться.

Кавказъ прежнихъ временъ имѣлъ свойство такъ привлекать къ себѣ всѣхъ проводшихъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, что привязанность къ нему не исчезала и послѣ долгаго времени, проведеннаго въ другихъ мѣстахъ. Такимъ старымъ кавказцамъ дороги всякія объ немъ воспоминанія, и ихъ то (а число ихъ, разсѣянныхъ по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества, очень значительно) имѣлъ я главнѣйше въ виду, составляя мой послѣдній трудъ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

		<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>	
стр.	7	стр. 18	Гуть-горѣ	Гуть-горѣ
—	145	—	1 въ дѣйствительности	было въ дѣйствительности
—	184	—	5 а	я
—	177	—	3 (въ примѣчаніи) вѣроятно	вирочемъ

I.

МНѢ БЫЛО 17 лѣтъ, когда, живя въ одномъ изъ губер-
скихъ городовъ, я въ первый разъ прочиталъ нѣкоторыя со-
чиненія Марлинскаго. Не стану распространяться объ энтузіаз-
мѣ, съ какимъ я восхищался *Амалатъ-Бекомъ*, *Мулла-Нуромъ*
и другими очерками Кавказа: довольно сказать, что чтеніе это
родило во мнѣ мысль бросить все и летѣть на Кавказъ, въ
эту обѣтованную землю, съ ея грозною природой, воинствен-
ными обитателями, чудными женщинами, поэтическимъ не-
бомъ, высокими, вѣчно покрытыми снѣгомъ горами и прочими
прелестями, неминуемо воспламеняющими воображеніе сем-
надцатилѣтней головы, да еще у мальчика, съ дѣтства уже
обнаруживавшаго чрезвычайную склонность къ ощущеніямъ
болѣе сильнымъ, чѣмъ обыкновенныя школьническія забавы.
Оставалось придумать средства привести планъ въ исполненіе
и я строилъ ежедневно кучу предположеній, оказывавшихся
на другой день никуда нигодными. Вдругъ, совершенно не ожи-
данно, представился, повидимому, удобный случай. Одинъ
знакомый мнѣ канцелярскій чиновникъ, съ которымъ я погово-
рилъ о Кавказѣ, вспомнилъ, что недавно чителъ какое-то новое
положеніе объ этомъ краѣ, о льготахъ, предоставляемыхъ слу-
жащимъ въ немъ и пр., и что самое лучшее было бы про-
ситься туда на службу. Мысль мнѣ понравилась и, не откла-
дывая дѣла въ долгій ящикъ, какъ и подабаеть юношамъ, мы

предварительно достали огромную канцелярскую книжицу сенатскихъ указовъ, прочитали составленное сенаторомъ барономъ Ганомъ *Положеніе объ управленіи Закавказскимъ краемъ 1840 года*, то есть читали не все *Положеніе*, а главы о преимуществахъ вызываемыхъ туда на службу, и въ началѣ декабря 1841 года отправили просьбы къ тифлисскому губернатору о принятіи насъ на службу въ его вѣдомство.

Признаться сказать, мы имѣли весьма мало надежды на успѣхъ, и когда наступилъ уже май 1842, а извѣстій изъ Тифлиса никакихъ ни было, мы, что называется, махнули рукой и стали подумывать не попытаться ли поступить на службу въ Восточную Сибирь, лишь бы куда никуда подальше пропутешествовать и удовлетворить страсти къ передвиженіямъ и сильнымъ ощущеніямъ. Между тѣмъ, около половины мая въ губернскомъ правленіи получилась бумага изъ Тифлиса, что просьбы наши приняты, что насъ вызываютъ на основаніи такого-то параграфа Положенія, для чего снабдить подорожными, прогонами и проч. Съ восторгомъ выслушавъ это извѣстіе, мы, послѣ короткихъ сборовъ, безъ малѣйшихъ опасеній за будущее, 30 мая 1842 уѣхали на перекладную и пустились въ далекій, невѣдомый путь.

Скучна и утомительна была однообразная дорога по степямъ Херсонской, Екатеринославской и другихъ южныхъ губерній. Невыносимый жаръ, недостатокъ воды, полуразвалившіяся хаты вмѣсто почтовыхъ станцій, скверныя влячи, едва везущія трясую телѣгу, стада сусликовъ (овражковъ), да миражи, дразнящіе на каждомъ шагѣ надежды на тѣнь и воду. Въ добавокъ, мы ѣхали безъ всякаго маршрута и по произволу станціонныхъ смотрителей попали на какой-то кружный путь чрезъ Орѣховъ, Мелитополь, Бердянскъ, Мариуполь и Таганрогъ, по самымъ пустыннымъ степямъ, палимымъ июньскимъ солнцемъ. Наконецъ, набравшись горя на славившихся своими безпорядками станціяхъ въ Войскѣ Донскомъ, мы дотащились до Ставрополя, который хотя и считался уже Кавказомъ, но ничѣмъ не отличался отъ любого губернскаго

города средней руки. Два условія только придавали ему особенный характер: костюмы линейныхъ казаковъ и изрѣдка попадавшихся туземцевъ, особенно верхами въ полномъ вооруженіи; еще болѣе, великолѣпный видъ на Кавказскій хребетъ, который, не взирая на почти четырехсотверстное отдаленіе, въ свѣтлое утро весь, какъ выточенный рельефъ гигантскихъ размѣровъ, величественно поднимался между мглою долинъ и синевою неба. До Георгіевска опять степная, изрѣзанная глубокими балками дорога. Вдругъ вправо показывается Эльборусъ, какъ будто окруженный четырьмя огромными отдѣльно стоящими холмами, и все это кажется рукой подать, между тѣмъ до этихъ холмовъ, у подножія коихъ Пятигорскъ и минеральныя воды, 40 верстъ. Далѣе до Екатеринограда и оттуда до Владикавказа на дорогѣ стояли пикеты казаковъ на вышкахъ, ѣздили съ конвоемъ, пападались двухколесныя скрипучія арбы съ вооруженными туземцами погонщиками, да на каждой станціи угощали разказами о тревогахъ, нападеніяхъ и вообще происшествіяхъ, въ которыхъ только и слышались слова: немирные, мошенники-мирные, убили, зарѣзали, схватили, угнали... Все это очень рѣзко бросалось въ глаза ѣдущимъ изъ тѣхъ городковъ, гдѣ тишина нарушалась развѣ пьянымъ крикомъ „караулъ“...

Во Владикавказѣ туземный элементъ уже видимо преобладалъ на улицахъ и я останавливался на каждомъ шагѣ любоваться этими молодецкими фигурами, въ живописныхъ костюмахъ, ловко сидящими въ сѣдлѣ. Здѣсь же въ первый разъ увидѣлъ я туземныхъ женщинъ, пришедшихъ на базаръ продавать куръ, масло и проч. Всѣ онѣ были въ какихъ-то лохмотьяхъ зеленого или синяго цвѣтовъ; наружность весьма непривлекательная, грязь непомѣрная. Гдѣ же „дѣвы горъ“?..

Владикавказъ, преддверіе настоящаго Кавказа, очень оживленное мѣсто; миновать его нельзя, онъ связываетъ Россію и Грузію; окрестности его очень живописны; въ самомъ городѣ съ шумомъ быстро несется мутный Терекъ. По истеченіи сутокъ, мы убѣдились въ напрасномъ ожиданіи почтовыхъ лошадей.

которыя, по словамъ смотрителя, въ разгонѣ. Случившійся въ казенной гостиницѣ офицеръ, старожилъ, далъ намъ добрый совѣтъ, не теряя напрасно времени, нанять лошадей у осетинъ и ѣхать верхомъ до станціи Коби, лежалцей у подножія перевала черезъ хребетъ.

Заплативъ чуть-ли не тройные прогоны за двѣ клячки, на которыхъ вмѣсто сѣделъ были какіе-то обрывки войлоковъ (вещи навьючили на третью), мы пустились въ путь съ двумя оборванными проводниками. Они всю дорогу, безъ умолку, такъ громко говорили между собою, такъ сильно жестикулировали, что мы все ожидали драки; не понимая ни слова, съ воображеніемъ настроеннымъ преувеличенными толками объ опасностяхъ, подъ впечатлѣніемъ дико-угрюмой мѣстности, мы уже стали опасаться что насъ заведутъ въ тупцоу и зарѣжутъ огромными, болтавшимися на поясахъ, кинжалами... Однако нечего было дѣлать, подвигались все дальше, проѣхали Балту—небольшое поселеніе военнорабочихъ на дорогѣ и стали углубляться въ ущелье; у станціи Парсъ дѣлалали приваль, да среди русскаго населенія отдохнули отъ страха, испытаннаго въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, и увѣрились, что проводники курицы не обидятъ, что „кричатъ они всегда — такой ужъ у нихъ, баринъ, нравъ азіятскій“, такъ выразился солдатикъ—сторожъ почтовой станціи.

Опять вскарабкались на топикъ буцефаловъ и тронулись мѣрнымъ шагомъ дальше къ знаменитому Дарьяду, гдѣ реветъ Терека, громадность упирающихся въ него отвѣсныхъ скалъ, огромные грозящіе паденіемъ на голову камни, вся эта величаво-дикая природа производить, особенно на ѣдущихъ въ первый разъ, впечатлѣніе трудно передаваемое на бумагѣ. Всѣ поэтическія описанія, посвященныя этимъ мѣстамъ, все-таки слабы предъ дѣйствительностью. Понятно, что я былъ восхищенъ и съ какимъ-то трепетомъ сердечнымъ то поднималъ голову вверхъ чтобы смотрѣть на скалы, на торчація изъ расщелинъ сосны, на сочащіеся источники, то опускалъ ихъ внизъ, чтобы смотрѣть на пѣнящуюся рѣку, съ какимъ то

бѣшенствомъ стремящуюся миновать всё препятствіа, образовавшіяся на ея пути, въ видѣ обломковъ скаль и гранитныхъ тѣсинъ; я вслушивался въ этотъ особенный шумъ, будто не совсѣмъ однообразный, будто силащійся что-то выразить.

Ущелье все суживалось, не допуская солнечныхъ лучей; оно принимало все болѣе мрачный видъ: люди и лошади, даже кой-какія постройки по дорогѣ, все это казалось чѣмъ-то такимъ мелкимъ, невзрачнымъ противъ этой величественной обстановки... Дорога, безпрестанно поднимающаяся и спускающаяся по крутымъ береговымъ откосамъ, вся усыяна камнями и нужно было удивляться какъ выносили во время оно русскія кости скачку въ телѣгахъ по этому пути. Въ аулѣ Казбекъ, лежащемъ недалеко отъ подножія горы этого имени, проводники пригласили насъ къ себѣ. Въ первый разъ былъ я въ домѣ туземца, но не взирая на любопытство, долго не могъ оставаться: ѣдкій дымъ соснового дерева, вонь отъ навоза, невыдѣланныхъ овчинъ и сквернаго табаку, полунагія грязныя дѣти, оборванныя женщины, овцы, телята, все это вмѣстѣ, у одного разведеннаго посрединѣ сакли огня, надъ которымъ на желѣзной цѣпи висѣтъ черный котелъ съ какою-то похлебкой, а въ зольѣ пекутся лепешки, вотъ что составляло видъ этого жилища. Привыкли къ деревенской обстановкѣ въ Малороссіи, гдѣ у бѣднѣйшаго крестьянина въ хатѣ все опрятно, я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ. Какая же тутъ, думалъ я, возможна поэзія, гдѣ же дѣвы горъ, гдѣ же эти эдемы Марлинскаго? Вѣрно дальше—вѣдь край большой: ну, скорѣе впередъ.

Къ позднему вечеру достигли Куби. Картина измѣнилась; ущелье шире; Терекъ не шумитъ, а едва замѣтно пробирается по долинкѣ, горы кругомъ уже не отвѣсными скалами, а болѣе покатыми грядами обступаютъ долину; нигдѣ ни дерева, ни цвѣтка. Хотя это было въ послѣднихъ числахъ іюня, но ночь была холодная, мартовская: комната на почтовой станціи—совершенный ледникъ; сторожъ изъ военно-рабочихъ

солдаты-еврей весьма любезно предложил затопить „если господа желаютъ“. Что за вопросъ, кто же не пожелаетъ? „Пожалуйста, поскорѣе, да хорошенько, мы вамъ уже на чайкъ за это“. „Ради стараться, ваше высокоблагородіе“, совершенно уже по солдатски выкрикнулъ лукавый солдатикъ-еврей и исчезъ. Черезъ десять минутъ онъ явился съ небольшою вязанкой дровъ, затопилъ печь и скрылся опять. Тепла отъ этой точки не произошло; печь огромная, комната тоже большая, остуженная; нужно бы много дровъ, чтобъ ее согрѣть; но мы уже напились чаю, не рѣшались во зло употреблять любезность сторожа и собирались улечься на твердыхъ досчатыхъ диванахъ, накрывшись всѣмъ удобнымъ для этого, какъ дверь открылась и онъ появился съ тою же услужливо-улыбающею физиономіей. „Такъ какъ я, ваше высокоблагородіе, долженъ до разсвѣта отправляться по службѣ на Казбекскую станцію, то позвольте получить теперь расчетъ“. „Очень хорошо. Сколько слѣдуетъ за самоваръ? (больше мы ничего не брали).“ — „За самоваръ 30 коп., да 15 фунтовъ дровъ, по пяти копѣекъ за фунтъ — 75, да мнѣ за работу, если больше не пожалуете, то по положенію десять копѣекъ“. Вотъ чѣмъ окончилась услужливость сторожа. Не говори уже что при нашихъ средствахъ издержка была очень чувствительная, мы были возмущены положеніемъ, чтобы проѣзжающіе, да еще на службу, сами отапливали станцію; наконецъ этою формою эксплуатированія невѣдающихъ правилъ и цѣвъ. Дрова на фунты! Этого мы никакъ не могли сообразить. Впрочемъ, здѣсь кстати замѣтить, что послѣ, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, я достаточно убѣдился, что такого самоуправства, такого безконтрольнаго, просто нахальнаго попиранія всякихъ правилъ, какъ въ управленіи почтовою гоньбой, едва ли еще гдѣ нибудь можно было встрѣтить. Мнѣ придется еще подробнѣе рассказывать объ этомъ предметѣ и во времена болѣе намъ близкія.

На другое утро туманъ покрывалъ все вокругъ и сырость въ видѣ инея садилась на платье. Я никакъ не могъ